

18+

КОД ЛЕГИТИМНОСТИ ¹
ЭН МОСС

Эн Мосс

Код легитимности. Часть 1

«Издательские решения»

Мосс Э.

Код легитимности. Часть 1 / Э. Мосс — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После того, как Квантовый Шёпот перекроил мир, а магия из скрытого феномена стала новой реальностью, из гонимой «иной» Алиса, пережив трагедию и прокляв возлюбленного, становится сначала учёным, а потом «претендентом», и в итоге принимает свою судьбу, пройдя через запутанный лабиринт предательства, жертв и вынужденного, но преобразующего союза с Кассианом Каном, который видит в ней ключ к новой астрологической эре. Это первая часть романа-трилогии.

© Мосс Э.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	9
3	10
4	12
5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Код легитимности. Часть 1

Эн Мосс

© Эн Мосс, 2026

ISBN 978-5-0070-0728-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-0729-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приветствую тебя, читатель, готовый заглянуть за горизонт.

Эта книга была написана в дороге, где дорога — это Путь познания как единственный способ быть собой и видеть другие ветки реальности. Книжные миры строятся по законам, которые выводит писатель. Но эта книга создана по иным законам: в ней астрология, философия и архитектура сюжета стали инструментами творчества, чтобы рассказать о космическом порядке, цикличности Истории и предназначении. За каждой сценой стоит структура, за каждым героем — система убеждений.

Именно поэтому «Код легитимности» это не фэнтези и не фантастика, а жанровый гибрид, где научная строгость соседствует с мифом, а антиутопия — с интуитивным знанием о том, что Вселенная говорит с нами на языке звезд, и что Судьба существует.

Часть 1

ДЕВА. Время Овна

(Годы действия: 2049—2054)

Пролог

Всё началось ещё в юности, Алиса чётко запомнила этот момент. Ей тогда было четырнадцать лет... Или уже исполнилось пятнадцать? В общем, это был август 2040-го и был летний вечер на побережье, уже было прохладно, но всё ещё ярко, солнечно и как-то празднично. Или это память так подсвечивает тот эпизод Алисиной жизни? Он отпечатался как редкий и уникальный кадр бесконечной ленты невесёлых событий. И она помнила это так ярко и полно, будто случилось это вчера. А случилось то, что она видела Сияние. Именно так она потом для себя это объяснила — «я видела Сияние». Солнечные лучи преломлялись на фоне бликующей воды, и идущий на встречу человек был вроде как и не человек, а сияющий сгусток света, и весь он переливался и текуще искрил в своём движении навстречу.

Юная Алиса тогда вглядывалась с изумлением в это чудесное свечение, и даже замуривалась несколько раз и снова распахивала свои серые и не по-детски серьёзные глаза, поворачивала и наклоняла голову, чтобы вызволить из плена сияния идущего на встречу человека и разглядеть, кто же это на самом деле.

«Оптическая иллюзия» — так уже много позже, после того как реальность полностью перекроилась после Шёпота, она определила для себя, вспоминая не раз этот эпизод.

Но от зажмуриваний и покачивания головой и даже от отклонений всем телом от оси прямого взгляда ничего не менялось, и всё так же шёл навстречу сотканный из искрящихся сполохов силуэт. Алиса чётко помнила, как, наконец, остановилась и просто стояла и ждала его приближения, готовая уже ко всему чудесному и невероятному, и даже оглядывалась по сторонам в поисках реакций прохожих на это Сияние. Но все шли по своим делам, море дышало свежестью, слышались голоса детей и лай какой-то собаки, а больше ничего не происходило. Переливающийся силуэт приближался.

И вдруг за секунду до встречи мир как будто замер и слегка поблёл, отодвинулись на задний план все звуки, воздух словно уплотнился и дрогнул, Алисе почудился шелест и взмах гигантских крыльев, и Время остановилось... Удар сердца, второй, третий... Потом она моргнула, стоп-кадр снова ожил, солнце ударило по глазам — и к ней, подойдя, наклонился какой-то мужчина:

— Эй, ты чего? Девочка, ты слышишь меня? Всё в порядке?

Алиса молча смотрела на него и чувствовала облегчение вперемешку с сожалением и каким-то тоскливым испугом... Да, потом уже взрослая Алиса часто пыталась снова вспомнить то странное и не по-детски сложное чувство — тоска от неслучившегося, испуг внезапности и облегчение от понимания, что всё «нормально»...

А незнакомец выпрямился и молча постоял рядом, вглядываясь в её лицо, Алиса ещё отметила, какие у него яркие зелёные глаза, и ещё родинку на переносице. Потом он как-то неловко похлопал её по плечу и пошёл дальше своей дорогой, уже как обычный ничем не приметный прохожий, а искры и сияние разлились в солнечной дорожке, что пролегала от Алисы по воде далеко к горизонту и растворялась где-то высоко в небе, вливаясь в солнечный диск.

Да, всё началось ещё в юности. В тот летний вечер Алиса впервые почувствовала тихую, щемящую тоску по чему-то, чего никогда не знала, но уже успела потерять.

1

Прошлое, как та самая солнечная дорожка, давно растворилось в тумане. От того мира, что был до Шёпота, остались лишь обрывки — яркие, как вспышка, и бессильные, как сон. Лиссабонский Кластер стал её новой реальностью, и эта реальность пахла не морем её детства, а дезинфекцией, рыбой и вечным дымком древесного угля.

Алисе было почти двадцать пять, и она научилась заглушать страх и гасить ярость. Иногда она ещё вспыхивала от задевавших её слов, действий, намёков, но постепенно импульсивность её натуры сгладилась, возможно — благодаря её работе в клинике. Там она становилась ровнее и мягче. Она жила как все, была как все, и даже почти забыла ужас погромов, но иногда прорывалась память о Сиянии. Здесь, на краю старой Европы, где цивилизация старалась не вспоминать, как всё рухнуло в один миг, и цеплялась за склоны холмов, собирая уцелевшее в тесные кварталы белёных домиков, в зелёные купола низких метантенков, вырабатывающих биогаз, в восстанавливаемые бережно мельницы, — здесь Алиса повзрослела.

Она работала медсестрой в муниципальной клинике — длинном, полутёмном здании, где пахло страхом и человеческой болью. Эта работа была её щитом. Под её руками раны подопечных затягивались чуть быстрее, а боль утихала, переходя в смутное онемение. В больнице она не только усмирила свою вспыльчивость. Она научилась чувствовать и дозировать свой дар, отслеживая потепление в руках и ощущение колких мурашек в них, превратив его в чуткое и плотное горение. «Добрые руки» — говорили о ней в клинике. Директор клиники, старый уже коренной лиссабонец, ставил её к самым тяжёлым пациентам — выживаемость в Алисины смены была удивительно выше средней. Ей бы стоило быть чуть осторожней. Иногда она ловила в глазах пациентов или коллег то самое подозрительное любопытство, которое когда-то заставило её семью бежать с Кипра.

По вечерам в таверне, которую держала её тётка совместно со своими сыновьями, её настигал другой шёпот. Не тот, что сломал планету, а тихий, человеческий, ползущий над столами среди таких же, как она, переселенцев. «Мой муж... у него в Лемесосе язвы сами заживали, стоило ему к земле прикоснуться...». «А моя сестра? Она чувствовала, где родник. А здесь — ничего. Сухо. Глухо, будто в склепе». «Это земля, понимаешь? Наша земля зовёт. Там сила. А здесь мы пустотелые». «Ну, попробуй вернись». «Да уж...».

И ещё один, более жуткий шёпот, всегда доносился следом: «Говорят, по всему свету ходят... эти, собиратели. Агенты. Ищут Пробуждённых. Не всех находят живыми».

Тётя Мария иногда просила её побыть пару вечерних часов в таверне, просто даже посидеть на хозяйской половине, за стойкой. В такие дни в таверне было спокойно и даже расслаблено, никто не дрался. Алиса сидела в старом кресле в углу у кухни, читая книгу, и гул разговоров, временами мрачных, временами воодушевлённых, прерывался иногда взрывом смеха, или пением Лукаса, который пытался подражать фадихта, но какое фаду, если ты грек?

По понедельникам в таверне включали радио. Оно ело совсем немного энергии, поэтому иногда его заводили и по четвергам. Но в понедельник шла трансляция из Софии, и это была Информация! Полезная, зачастую малопонятная, но всегда интересная и вызывающая потом недельные споры в таверне, вплоть до драк. В понедельник окружающий Алису мир будто расширялся и сбрасывал с себя мрачный плащ портово-ремесленного Кластера.

Да, расположение на краю континента спасло Лиссабон от самых жестоких пост-Шепотных войн, хоть и не уберегло от мародёров. Лиссабонский Кластер был жив, пусть и не процветал. И хотя он добровольно отказался от сложности, чтобы обрести устойчивость, в нём так не хватало духа новизны, выбора, информации. И Алиса всем нутром ощущала в дни трансляции, что эта вынужденная фрагментарность, ограниченность каждого из стихийных центров

выживания, отсутствие понимания, что дальше — это всё временно, и мир когда-нибудь снова будет цельным и безопасным, пусть и по другим правилам. В остальные дни спасала работа.

Иногда ещё Алиса ходила в порт. Хотя порт мало походил теперь на свои изображения в сохранившихся старых журналах, выпущенных до Квантового Шёпота и избежавших раскладки в годы смуты. Но кипящая в нём днём и ночью жизнь, неторопливые пароходы и снующие между ними парусники, и даже уцелевший Красный мост были полны смысла и смутных надежд.

Но и порт со временем перестал быть дружелюбным к Алисе. Пару раз ситуации были угрожающими, к ней приставали и даже преследовали — высокая и статная, с тёмно-бронзовыми косами, Алиса не осознавала, какое впечатление производила на окружающих, а уж в порту собирался самый разный люд с самыми разными тайнами, грехами и пороками.

Но сам порт и бурлящая в нём жизнь манили Алису, поэтому она стала выбираться туда только утром, в дни без дежурств, одетая в толстовку и широченные джинсы Лукаса и с широкополой рыбацкой панамой его младшего брата.

Завтра пятница, как раз выходной. Пора наведаться в порт. К тому же у неё особое событие завтра, и припасены монеты для подарка самбй себе.

2

День обещал быть жарким и солёным. В эту пятницу, 12 августа, Алисе исполнилось двадцать пять лет. Праздник решили не устраивать, так как это была «та самая» пятница — вторая пятница каждого месяца, когда Муниципалитет распределял биогаз и уголь по домовладениям. У Алисиной тётки была таверна, поэтому им полагалось чуть больше, чем соседям, что неизменно вызывало перепалки и долгую брань. Но всё равно это было меньше, чем мастерским на другой стороне улицы, поэтому ругань перекидывалась на плотника Архипа Петру и его многочисленное семейство, и на химика-фармацевта, которого все звали Христо. Его настоящую фамилию, Христулопулос, наверное, не помнила даже его жена.

В общем, этот день был пятницей ежемесячной ругани. И это было привычно как некий бессмысленный ритуал, потому что через два дня наступал понедельник, и даже самые ярые сторонники «всем поровну» собирались на трансляцию в таверну.

Утром тётя Мария поднялась в комнату Алисы. Села к ней на кровать, погладила по руке. Тётя была необычайно серьёзна и торжественна, и Алиса даже рассмеялась — её тётка могла задать трёпку любому на этой улице, и мало кто видел её «торжественной».

— Девочка моя, вот ты и взрослая, — сказала дрожащим голосом тётя Мария. — Теперь ты можешь самостоятельно покидать Кластер, переезжать, менять имя или фамилию. Можешь выйти замуж и уехать от меня... — она вздохнула и помолчала.

— Тётя, ну ты чего? Я не собираюсь никуда, — Алиса порывисто обняла её.

— Я же вижу. Тебе здесь тесно, Алиса, как соколу в клетке. Вон какая ты красивая. И неспокойная... Я всем сердцем тебя люблю, девочка моя. И прошу тебя, куда бы ты ни решила податься, помни, откуда ты родом, и знай, что у тебя всегда есть я.

Она достала из кармана передника маленькую красную коробочку и протянула Алисе:

— Держи. Это твоей матери. Она передала его мне, чтобы я хранила до твоего совершеннолетия. Бедная моя Элени...

Они обе помолчали. «Мама. Мамочка...» — Алиса судорожно вздохнула. Тётя Мария снова погладила её по руке и встала.

— Ну всё. Давай уже спускайся. Внизу есть пирог и немного вина в честь твоего праздника. Мне пора.

Оставшись одна, Алиса рассматривала коробочку и тихонько гладила её бархатные бока. Потом осторожно открыла.

Внутри уютно лежал и таинственно (Алиса могла поклясться, что именно таинственно!) поблёскивал кулон — небольшая, стилизованно вытянутая вдоль оси своих крыльев, птичка. Металл, похожий на золото, но чуть ярче. На обороте — темно-серебряной вязью её, Алисина, фамилия. Гераки.

Море гулко перекачивалось далеко внизу. Утреннее солнце заливало комнату, и в его лучах посверкивал и переливался кулон в руке Алисы... В этот миг она словно выпала из реальности и каким-то внутренним знанием ощутила, будто скрипнуло и медленно провернулось Колесо Судьбы.

После, этим же утром в порту, она встретила Нисана.

3

Воздух дрожал от звона рыбацких снастей, криков торговцев и густого запаха гниющей древесины. Алиса в своей заимствованной мешковатой одежде чувствовала себя невидимкой, её шаги были лёгкими и быстрыми. В ладони, сжатой в кулак, она держала кулон.

В порту, в районе Сантуша, пряталась лавка старьевщика Юсуфа, она-то и была целью. В прошлый раз Алиса наткнулась на неё случайно, и попав внутрь, надолго зависла там, словно между мирами и временем. По товарам, с любовью собранным и продаваемым Юсуфом, можно было отследить все стадии становления его небольшой лавчонки. На самом дальнем от входа столе были разложены по степени «годности» и целостности различные украшения из серебра, и там же Алиса ещё в прошлый раз заприметила тонкую серебряную цепочку необычного плетения. Красивая, прочная, целая. Именно то, что нужно.

Торг был недолгим. Юсуф тихо посмеивался в усы и говорил: «Я знал, что ты вернёшься за ней. Что значит дорого?! Ты посмотри, что за вещь! настоящее серебро, за неё можно не меньше пуда „тёмного металла“ выручить, а то и транзистор целый». Алиса настаивала, сердилась, потом тоже смеялась, и в итоге, довольные друг другом, они сошлись в цене.

Юсуф принял монеты, проверив их дозиметром, и вручил Алисе цепочку, бережно завернув её в небольшую холстинку и перевязав шнурком. Выйдя из лавки, тут же на ступенях, Алиса вынула из холстинки цепочку, повесила на него кулон и тщательно завернула обратно, крепко завязав. Теперь домой.

День был чудесен! Алиса почти вприпрыжку, как молодая норовистая лошадка, летела по улочкам порта, зажав в руке свой подарок, уворачиваясь от тележек, бочек, рыбаков, торговцев, баулов. И вдруг, уже заворачивая за угол башенки перед воротами в город, налетела на выходящего из-за угла человека. Алиса ахнула и отскочила, но столкновение было такой силы, что холстинка вылетела из её ладони и упала на землю. Она бросилась было к ней, но наглый незнакомец ловко прижал свёрточек ногой.

«Да чтоб тебя!» — Алиса отпрянула. Выпрямилась. Это был парень одного с ней роста, чуть старше неё, смуглый и крепкий. Опасный тип, как определила Алиса с ходу. Тёмные, почти чёрные глаза изучающе смотрели на Алису, а грубый тёмно-зелёный ботинок, похожий на армейский, прижимал к земле её сокровище. Они смотрели друг на друга, Алиса — с вызовом, незнакомец — холодным любопытством. Кого-то он ей напомнил... По спине пробежал холодок. «Турок», — пронеслось у неё в голове обрывком детских страхов, выученных в другой жизни. И эхом из детства голос бабушки: «Осторожней, Алики. Они смотрят на наших женщин как на добычу».

«Отдай», — тихо сказала Алиса, — «Это моё». Прозвучало это как-то жалко. Парень молча продолжал на неё смотреть и даже бровью не повёл. Непроницаемые глаза и его молчание наводили на Алису тихую панику. Затем он наклонился и поднял свёрток. Не резкие, но точные движения, длинные крепкие пальцы, странная грация для такой коренастой и плотно сбитой фигуры.

Подкинул на ладони, повертел, всё так же продолжая разглядывать Алису, словно препарируя. Алису стала охватывать противная мелкая дрожь.

— Что-то ценное? — наконец произнёс он тягуче.

— Я... Я заплачу. Верни её, — наконец выдохнула она, и в голосе её прозвучала унизительная для неё самой мольба.

— Хм, настолько ценная? Может, я её куплю? — незнакомец прищурился.

— Она не для продажи, — отрезала Алиса.

— Всё в этом порту для продажи. Или для обмена, — спокойно произнёс он и развернул свёрточек. — Давай посмотрим. Я знаток ценных вещей.

Алиса сжала кулаки. Стучало в висках, и откуда-то изнутри поднималась отчаяние.

— Интересная работа. Старая. И не отсюда, — произнёс парень, поворачивая птичку и внимательно её осматривая. Его голос был мерным, но каждое слово вбивалось в сознание Алисы, как гвоздь.

— Кипр? — приподнял он одну бровь.

У неё перехватило дыхание. Она молчала, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки.

— Чем заплатишь? — нараспев произнёс незнакомец.

Он шагнул к ней. Алиса отпрянула и прижалась спиной к стене.

— Боишься? — усмехнулся он. Алиса вздёрнула подбородок и твёрдо посмотрела в его тёмные пугающие глаза. Она сильная. Она смелая... Руки начали гореть огнём.

Он снова усмехнулся и медленно опустил кулон в карман своей куртки. Движение казалось окончательным, как опускание занавеса.

— Платить нечем. А вещь... слишком ценная, чтобы носить её с собой вот так, в порту, где шастают всякие сомнительные личности, — он окинул её с головы до ног насмешливым взглядом, оценивая её мешковатый наряд. — Меня зовут Нисан. Если эта вещица действительно так дорога тебе, ты меня найдёшь. Думаю, ты справишься. У тебя... целеустремлённый вид.

Он не стал ждать ответа. Развернулся, шагнул за угол, откуда и появился, и тут же пропал, быстро и бесшумно, как призрак. Ни торопливости, ни оглядки. Просто шагнул из её реальности, унося с собой частицу её прошлого.

Алиса стояла, замерев, спиной ощущая холод камней. Гнев, жгучий и яростный, поднимался из глубины её души.

Он назвал своё имя. Бросил ей вызов. И Алиса, сжимая пустые ладони, уже знала — это не конец. Это только начало.

4

Вернувшись домой, Алиса заперлась в своей комнатке под самой крышей. Она стояла у окна, глядя на город внизу и на тёмную, беспокойную массу Атлантики. «Вот и двадцать пять, я полноправный гражданин Кластера — и что? Что теперь?» Прошное было зыбким и ненастоящим, как полузабытый кошмар. Настоящее — такой же зыбкой почвой, готовой в любой момент разверзнуться. А будущее... будущего пока не было. И мамино подарка тоже. Была только эта комната, этот город, эта жизнь, в которой не было места ни радости, ни чуду. Слез не было. Она давно уже не плачет. Никогда не плачет. Мама...

Алиса мрачно смотрела на море. Она найдёт этого наглеца и вытрясет из него своё сокровище, а заодно и его душу, из этого грязного жалкого недоноска.

Почти весь следующий день, до начала сумерек, и ещё утро воскресенья, она провела в порту. Зашла и к Юсуфу. «Нисан? Не слышал это имя». Как же его найти? Мелкий воришка. Негодяй.

В понедельник после клиники, где она старательно делала свою работу и даже чуть больше, уставшая Алиса заняла обычное место в кресле у кухни, прихватив книгу. На трансляцию собрались все: и Архип с сыновьями, и Христо с его молчаливой женой, дядя Костас с братьями, да и почти вся греческая часть верхних кварталов Лиссабона. Переселенцы селились компактно, кучно, они создавали свои небольшие этно-коммуны по всему Кластеру, превращая его в новый Вавилон. Иногда в таверну заходили и местные, и даже переселенцы из других земель, чей бег от войн или погромов остановился в Лиссабонском Кластере. Прознав про трансляции, они становились завсегдатаями таверны наравне с жителями греческого квартала.

Завели транзисторный приёмник, который Лукас, Алисин двоюродный брат, собирал как реликвию из до-Шёпотных деталей. Слегка потрескивая, радиоприёмник транслировал музыку. Стоял привычный гул, посетители тихонько переговаривались, тётя Мария и два её сына разносили кому пива, кому вина, и большие подносы с едой. Ждали голос Софии.

Наконец прозвучала знакомая отбивка. Гул в таверне стих. Диктор и его сегодняшний гость что-то забормотали. Алиса не вслушивалась, размышляя о своих зловключениях. Конечно, она не сказала тётке о пропаже кулона. Свои проблемы надо решать самой.

И тут её слух сконцентрировался на доносящемся из приёмника разговоре:

«Напомним нашим слушателям, что текущая гипотеза описывает Квантовый Шёпот не как излучение, а как прохождение через Солнечную систему потока нефиксируемой тёмной материи, что привело к изменениям в тканых свойствах пространства-времени на субатомном уровне. Это был сбой, тихий и всеобъемлющий. Представьте, что сама логика мироздания на мгновение забыла свои правила...».

«Сбой?» — спросил второй голос, — «Что-то типа импульса? Всё-таки излучение?»

«Это не излучение, а фундаментальное изменение свойств пространства-времени на квантовом уровне. Он просто произошёл, как землетрясение или ледниковый период. Понимаете? Его нельзя обвинить, с ним нельзя договориться, его нельзя понять...».

Алиса замерла, отложив книгу. Надо всё-таки завести блокнот.

Голос продолжал, сопровождаемый хмыканьем и поддакиванием невидимого собеседника: «...Последующая катастрофически быстрая инверсия магнитного поля была не причиной, а следствием. И только уже потом электромагнитный импульс выжег схемы и уничтожил электронику, так как защитный купол планеты на время исчез, открыв нас солнечному ветру. Первым пал наш рукотворный интеллект, на котором всё работало. Только со временем мы стали понимать — произошло нечто, что невозможно починить, потому что сломался не прибор, а сам принцип, на котором он работал... Центры точного времени, суперкомпьютеры, связь, спутники, энергосистемы с «умным» управлением — всё превратилось в хлам. Мир

погрузился в темноту и тишину. Глобальная сеть, эти цифровые нейроны человечества, словно растворилась в ней. И в этой тишине...», — диктор сделал эффектную паузу, и в эфире стало слышно лишь мерное потрескивание.

«Да? И в этой тишине...», — приглашающе произнёс его собеседник.

«В этой тишине мы впервые услышали отголоски чего-то иного», — медленно проговорил гость, — «Резонанс Шёпота. Некий побочный эффект, разбудивший в нейросетях нашего собственного мозга спящие отделы. Для кого-то — начало „Великого помешательства“. Для единиц, вроде Проснувшихся — пробуждение неизвестных ранее способностей».

Диктор откашлялся и продолжал: «Конечно, за таким всеобщим и ужасающе непонятным крахом последовал хаос, а также череда войн, где каждый обвинял в нападении другую сторону, и миллионы, миллионы жертв... Это всё обратило человечество не просто в панику, а в чистую паранойю...». Звук стал сильнее потрескивать и пропадать. Фразы стали отрывистыми и неполными: «Конечно, их стали преследовать...». Снова треск. Затем «...это реально существующий эффект, и нам ещё только предстоит...». Треск, тишина, затем: «...и из скрытого феномена превращается в новый действующий закон мироздания». Снова треск.

И голоса окончательно оборвались, захлебнувшись мощной волной помех. Брат что-то сердито крикнул и выключил приёмник. На сегодня трансляция закончилась, неожиданно, как и всегда.

Алиса выпрямилась, прижала ладони к пульсирующим вискам. Затем опустила руки и посмотрела на них. Она смотрела на свои руки, которые могли унимать боль и затягивать раны, восстанавливать сломленное, лечить живое. Руки, в которых таился отзвук того самого вселенского сбоя. Это не было благословением, как говорила тётя Мария. Это было напоминанием. Они с миром были жертвами одной и той же катастрофы. И жар в её руках — это квантовая подпись новой данности.

5

Нисана привезли в клинику через несколько дней со сломанным плечом и огнестрельной раной в боку. Он явно был непростой парень, так как сам Директор клиники отдал распоряжение поместить его на второй этаж в угловую комнату с окном на пару дней. И хотя смертельно опасного или угрожающего жизни в его состоянии не было, Директор клиники попросил Алису «позаботиться» об этом странном пациенте.

Когда Алиса его увидела, ярость и гнев ударили её изнутри. Он же, казалось, совсем не удивился:

— Привет, быстроглазая. Видишь, я сам тебя нашёл. Док сказал, что ты можешь помочь быстрее восстановиться, — невозмутимо произнёс он, слегка прищуриваясь.

Остановившись в дверях и не подходя ближе, сжав зубы, Алиса произнесла:

— Отдай мою вещь.

— А что я за это получу? — Нисан даже в этой изломанной позе, полулёжа и в бинтах, казался крепким и опасным.

— Отдай. Прошу тебя. Она... она мамина.

— Мамина? — протянул Нисан без выражения, просто переспросил, как будто не слышал.

Ярость ударила Алисе изнутри в голову. Она выскочила из комнаты, забежала в докторскую, в спешке схватила скальпель, и, задыхаясь от гнева, ворвалась к Нисану и приставила скальпель к его горлу: «Отдай мою вещь, сволочь!».

Близко-близко его глаза, с чем-то неуловимым и восточно-таинственным на дне. Рука её тряслась. Он даже не дёрнулся, лежал также расслаблено и одновременно собрано. Пауза затянулась.

— Один поцелуй. И птичка твоя, — наконец медленно и чётко сказал он. Алиса задохнулась от странной смеси гнева и ощущения падения. «Ах ты!..»

— Она у меня, я её сохранил. Не продал, не обменял. Я верну её тебе. Один. Поцелуй.

Алиса так и не поняла тогда, что случилось, какая магия или гипноз этого невозможного человека заставили её приблизить свои губы к его и, зажмурив глаза, прижаться к ним. Удар сердца... Второй... Третий... Она открыла глаза и отстранилась, глядя на него с изумлением. Нисан улыбался, опустив ресницы — длинные и чёрные, словно девичьи, а из ладони, которой он сжал так и не отведённый от горла скальпель, сползала на его смуглое крепкое запястье струйка крови.

— Ничего, заживёт, — сказал он, убирая второй рукой скальпель от них обоих. Алиса заметила дефект его большого ногтя, который рос криво, словно был когда-то вырван с мясом из своего ложа.

— Ты турок? — глупо спросила Алиса. Словно под гипнозом, смотрела она в эти темно-карие глаза с лёгким размытием в зелёный к краю радужки. При всей своей выразительности и выпуклости они отдавали драматизмом из-за острых как стрелки складочек у внешних и внутренних уголков.

— Я родился в Дамаске, — улыбнулся он в ответ и притянул её к себе.

Позже Нисан вернул кулон Алисе, как и обещал. Но забрал её саму.

Алиса и сама не поняла, что же это с ней произошло. Как и почему она забрала вещи из комнаты над таверной и оказалась в жилище Нисана, что она наплела тёте Марии, и отчего та махнула рукой и даже не останавливала её, только крепко обняла на пороге. Алиса словно кружилась и кружилась, но всё не падала, а парила в какой-то странной неге и волнах животного стремления быть с ним.

Нисан стал её первым мужчиной, и вихрь неведомых, уносящих последние проблески разума, ощущений, нечто новое и мощное, закрутили её в водовороте этого невероятного взаимодействия. Иногда она будто выныривала на поверхность бескрайнего океана и смутно видела вдали очертания реальности, но уже не различала деталей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.